
(в соавторстве с Т. В. Рождественской) Литературные и эпиграфические памятники как исторические источники // История России. В 20 т. М., 2025. Т. 3. С. 18–21.

Тверское княжество // История России. В 20 т. М., 2025. Т. 3. С. 231–245, 440–457.

Древнерусская литература // История России. В 20 т. М., 2025. Т. 3. С. 376–398, 651–662, 669–682.

Житие Евфросинии Суздальской и проблемы женской святости на Руси // Новодевичий монастырь в истории и духовной культуре (к 500-летию основания). М., 2025. С. 189–196.

Литература

Дергачева И. В. Слово о юбиларе // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 4. С. 149–162. DOI 10.17759/langt.2015020414

Шамина И. Н. и др. Юбилей Елены Леонидовны Конявской // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4 (39/40). С. 370–378.

References

Dergacheva, I. V. Slovo o yubilyare. In *Yazyk i tekst*. 2015. Vol. 2. No. 4. Pp. 149–162. DOI 10.17759/langt.2015020414 (In Russ.)

Shamina, I. N., et al. Yubilei Eleny Leonidovny Konyavskoi. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. 2015. No. 3/4 (39/40). Pp. 370–378. (In Russ.)

Vladimir N. Rudakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

SELFLESS CONTRIBUTION

In the introduction to the special issue of the journal dedicated to the anniversary of the famous historian-medievalist E. L. Konyavskaya, the author shares his thoughts on her contribution to the creation and development of the journal, which, in his opinion, has become one of the most authoritative on the history of Medieval Russia. The Appendix contains a list of E. L. Konyavskaya's works for 2015–2025.

Keywords: E. L. Konyavskaya, the journal "Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki", source studies, historiography, social and political history, Old Rus, Medieval Russia

---

УДК 398.9 DOI 10.25986/IRI.2025.102.4.003

С. В. Алматов

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. alpserg19@yandex.ru

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ПЕРВОЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭПИГРАФИКИ

В обширном корпусе древнерусской эпиграфики существует значительное число надписей, прямо или косвенно передающих персональные намерения и переживания пишущих. Часть граффити использует грамматическую форму первого лица. Для некоторых из них реконструируются фольклорные источники либо ситуации устного бытования. Предметом рассмотрения в данной статье выступили мифопоэтические контексты надписи на Стерженском кресте 1133 г. Сопоставление уже известных науке историко-этнографических и лингвистических данных с неучтенными фольклорными нарративами, построенными на мотиве «запруживания/спуска историческим лицом речных вод», позволяет предполагать наличие у автора исследуемой надписи и ее аудитории общего мифопоэтического паттерна «героя, управляющего стихиями», поддерживающего актуальные социально-политические компоненты прагматики граффито.

Ключевые слова: эпиграфика, история, фольклор, мифопоэтика

С начала XXI в. фокус исследований древнерусской словесности постепенно перемещается с изучения обобщенных структурно-функциональных типов текстов (жанров либо целых регистров, подобных берестяной письменности) в область прагматики конкретного высказывания, помещенного в биографический, социокультурный и этнографический контекст [Гиппиус 2017]. При этом частные задачи выявления авторских интенций, породивших то или иное произведение, закономерно решаются в современной науке в более широком теоретическом ракурсе проблемы самосознания древнерусского книжника [Конявская 2000].

Как правило, индивидуальность средневекового автора проявляется в факторах неэстетического порядка, в рамках его социальных компетенций и прикладных задач коммуникации с аудиторией. Тем не менее отнюдь не уникальными представляются случаи, когда «автор старается зафиксировать

свое имя и стало быть своим авторством гордиться» [Конявская 2000, с. 6], хотя и не имеет претензий создать уникальный шедевр и пользуется стереотипными вербальными формами известной ему книжной и устной традиции. Заданные традицией топосы интерпретируются исследователями в плане баланса индивидуальных и коллективных форм-факторов средневековой словесности не только как *loci communes* и *formulae* определенных жанров, но и как реплики архетипических ментальных паттернов [Конявская 2004; Алпатов 2015].

В обширном и функционально разнообразном корпусе древнерусской эпиграфики существует значительное число надписей, прямо или косвенно передающих персональные намерения и переживания пишущих на церковной стене, чаше, рукояти ножа или придорожном камне. Яркий пример: (Т)оудор[ъ] (п)ѣ[ъ] моласта стѣѣ бодѣни Оугриниць грѣ[шь]ною роук[о](ю) («Тудор Угринич писал грешной рукой, молясь святой Софии»; Св. София новгородская, 1045–1200 гг.) [Древнерусская эпиграфика, № 985]¹.

Часть граффити непосредственно использует грамматическую форму первого лица: влждъ сътворихъ въ свѣтъ днь («[Я] блуд совершил в святой день»; Св. София киевская, 1037–1200 гг.) [Древнерусская эпиграфика, № 596]².

Для некоторых из них реконструируются фольклорные источники либо ситуации устного бытования, как, например, для известной надписи «Поиду бобромъ возлѣ рѣку» на хорах церкви Федора Стратилата в Новгороде: «Интуитивное ощущение, что в надписи цитируется какой-то фольклорный текст... В эту сферу традиционной славянской культуры приводят структурно-семантические свойства самого текста – его ритмика, конструкция, мифологическая семантика» [Бобрик, с. 119].

Предметом рассмотрения в данной статье выступили мифопоэтические контексты надписи на Стерженском кресте, воздвигнутом новгородским боярином Иванком Павловичем летом 1133 г. при начале работ по углублению/запруживанию речного русла в зоне активного противостояния политико-экономических интересов Новгорода и Суздаля в верховьях Волги: [вѣ]о ѿхѣмъ а мѣца июла дѣ днь почахъ рыти рѣк[у] сю азъ Иванко Павловичъ і крѣтъ съ поставхъ («В 6641 году, в 14 день месяца июля, Иванко Павлович, начал рыть эту реку и поставил этот крест») [Древнерусская эпиграфика, № 126]³.

Многолетняя дискуссия о символическом (обрядовом) или буквальном (гидротехническом) значении ключевой фразы «почахъ рыти рѣку сю азъ» [Алпатов 2023] на сегодняшний день кажется исчерпанной и разрешенной в пользу реалистической версии: «обрядовая версия решительно уступает строительной. Последняя не встречает никаких существенных противоречий и подкрепляется как лингвистически, так и примерами (неважно, достоверными или легендарными) установки крестов на местах проведения масштабных гидротехнических работ» [Гиппиус 2023, с. 79].

Привлекаемые сторонниками землеустроительной версии в качестве аргументов летописные свидетельства («Князь же перекопа, и потече тѣмъ ровомъ (курсив мой. – С. А.) великая рѣка Сухо-на и крестъ поставил»), а также семантико-этимологические параллели (гидронимы *Рыта*, *Рытица* и *Перерытица*) [Гиппиус 2023, с. 78] могут быть одновременно поддержаны и проблематизированы сходными топонимическими контекстами, связывающими названия населенного пункта, реки и особенностей местности (как исконных, так и образованных деятельностью человека): город *Рыльск*, река *Рыла*, урочище *Рвы* [Малыхина, Кузьмина, с. 3], болото *Рытиха* – «там литва проходила, изрыто все» [Березович, с. 23] (ср. также топонимы *Перерва* и *Прорва*). Как будет показано далее, в обсуждаемом акте исторически значимого (зримого, засвидетельствованного, оставившего след в памяти) преобразования ландшафта одной из ключевых сем будет конфликт стихийно-природного и культурного начал.

Но прежде сформулируем центральный вопрос: какой именно *личный* («начал рыть я») мотив двигал будущим новгородским посадником при создании надписи на кресте в отличие от очевидных – покаянного («я блуд сотворил») или гендерно-репрезентативного («я пойду бобром») – смыслов процитированных выше перволичных граффити: смиренная мольба о совершении общего дела или самолюбивое воздвижение памятника себе: «его можно отнести к обетным крестам, устанавливавшимся

¹ URL: <http://epigrafika.ru/epigraphy/inscription/show/985> (дата обращения: 30.05.2025).

² URL: <http://epigrafika.ru/epigraphy/inscription/show/596> (дата обращения: 30.05.2025).

³ URL: <http://epigrafika.ru/epigraphy/inscription/show/126> (дата обращения: 30.05.2025).

перед проведением каких-либо важных работ с молением о благополучном их завершении. В дальнейшем он стал восприниматься как памятный» [Панченко, с. 16]?

В качестве не ученного в дискуссии типа контекстов предлагается привлечь фольклорные предания об исторических лицах – преобразователях водного ландшафта (мотив С7 «Потоп: разрушенная преграда» [Березкин, Дувакин]). Один из ранних вариантов сюжета, ассоциированный со знаковыми объектами Подунавья, приведен Аврелием Виктором в сочинении «О цезарях» в качестве финального аккорда биографии императора Галерия (293–311 гг.): «Несколько времени спустя он погиб от отравленной стрелы, успев приспособить для земледелия поля в Паннонии, вырубив для этого непроходимые леса и спустив в Дунай воды из озера Пельсона (курсив мой. – С. А.)» [Аврелий Виктор, с. 242].

Сходным образом среди аутентичных отечественных нарративов, документированных собирателями XIX–XXI вв., регулярно фиксируются рассказы об именитых и безымянных деятелях, пытавшихся демонстративно запрудить местную реку либо спустить по вырытому каналу святое озеро:

«Это старички говорили, вот когда-то Екатерина Вторая со своим войском шла, и вот ей сказывают – это озеро <Светлояр> богато славится. И она дала себе обещание, *не я буду, что озеро не спущу в Люнду в реку* (курсив мой. – С. А.). И вот она приказала своему войску, остановилась – и они копали 40 ночей и дней этот ров, чтоб спустить озеро, но вода не пошла»⁴;

«Когда-то помещик один... Значит, тек ручей. Он его прудил-прудил, прудил-прудил, и никак. Вот бьют ключи, ручей течет, и никак. А потом он измучился и говорит: “Ну и теки же”. Вот, и с тех пор так называли – Текижа» [Ахметова, с. 178];

«Говорят, что ручей Текижа так называл еще преподобный Пафнутий. Озеро на южной окраине города грозило затопить город. Преподобный велел прорыть канаву, чтобы вода стекла в Протву. Когда работы были закончены, он велел: “Теки же!” и город был спасен» [Ахметова, с. 179];

«Раньше. Бог шел и сказал: “А ты теки же”. Там начало было, там, туда вот, на гору, где в Очакове, знаешь? Там начала она. И махнул рукой: “А ты теки же”. И течет. Да. И течет. Она и ключ у нас, ключ, вот видишь, ключ святой» [Ахметова, с. 176].

Очевидным образом в один ряд с приведенными выше топонимическими преданиями встанут эпические формулы, включающие мотивы преобразования природного ландшафта путем спуска/запруживания вод, из «Слова о полку Игореве» («Волгу веслы раскропите, а Донь шеломы выльяти»), духовного стиха о Егории Храбром («Теките вы, реки, где вам Господь повелед!» [Русские народные песни, с. 6]), баллады об Авдотье Рязаночке (Бахмет-царь «напустил все реки-озера глубокие» [Исторические песни, с. 64]), прозаического пересказа былины об исцелении Ильи и получении им прозвища Муромец: «Ну, тут он подошел и стал им помогать поле чистить. Поле это было возле озера, так он лесину возьмет, с кореньями оторвет, мечет в озеро, сколько сил у его много... Ну, метал он и метал, лесины рвал, много он тут места вычистил, озеро всё замуромил. А его звали Ильей. И его прозвали поэтому стар казак Илья Муромец: он замуромил, всё заметал озеро» [Былины, с. 334].

Обобщая сюжетную семантику приведенных примеров, можно выделить центральный эпический мотив поведения каждого из действующих лиц: *я не я буду*, если не совершу невозможное (зарою либо спущу озеро / останавливаю течение или вычерпаю реку); при том, что конкретный финал конфликта может быть отнюдь не позитивным для персонажа.

Как видится, на фундаменте архаического мотива физической борьбы героя с силами природы выстраиваются и символические сюжеты о попытках исторического лица властвовать над социальными и природными стихиями (вплоть до пушкинского «С Божией стихией Царям не совладеть»):

«Приехал Грозный в Новгород, пошел к Софии к обедне. Стоит царь Иван, Богу молится; только глядит: за иконой бумага видится. Он взял ту бумагу и распалился гневом! А какая та была бумага – никто не знает.

Как распалился Грозный царь – и велел народ рыть в Волхов; царь Иван стал на башню, что на берегу налево, как от сада идешь на ту сторону; стал Грозный на башню, стали народ в Волхов рыть: возьмут двух, сложат спина с спиной, руки свяжут да так в воду и бросят; как в воду – так и на дно.

⁴ Архив кабинета фольклора МГУ им. М. В. Ломоносова. 2003 г. Нижегородская область, Воскресенский район, с. Владимирское.

Нарыли народу на двенадцать верст; там народ остановился, нейдет дальше, нельзя Грозному народу больше рыть!» [Народная проза, с. 81].

С фигурой державного строителя Парадиза на замощенном болоте связывают народные предания не только сюжеты о штормах на Ладоге, обращавших вспять корабль Петра и побудивших его к строительству Староладожского канала [Народная проза, с. 170–172], но и экзистенциальный конфликт земной и небесной власти за еще не освоенную территорию: «Петр хотел через Неву перескочить. Сидит на лошади и говорит: “Будет всё моё и Богово”. Он не успел это промолвить – змей подскоцил, ногу-то у лошади откусил. И он не мог проскочить. А надо было сказать: “Буде Богово и моё”»⁵.

Думается, что тот же эпический жест присвоения схваченного льдом моря посреди двух концов земли заключен в надписи на тмутараканском камне: [†] :: въ лѣто ·ѣ·ѣ(·)оѣ[·] инч ·ѣ(·) Глѣвъ князь мѣрилъ м° по ледѣ ѿ Тъмѣторокана до Кърчева ·ѣ и ·ѣ· саже («В 6576 (1068) году, в 6 [год] индикта князь Глеб мерил море по льду от Тмутаракани до Корчева: 14.000 сажен») [Древнерусская эпиграфика, № 119]⁶.

Тем самым и водружение Стерженского креста может быть понято не только как символическое воплощение объективных, социально значимых результатов деятельности по преобразованию природного ландшафта, но и как субъективный акт эпической саморепрезентации средневекового мужчины и вождя, а анализируемая формула «почахъ рыти рѣку сю азъ» рассматриваться одновременно и как локализованный в пространстве и времени акт коммуникации средневекового сообщества, и как вневременной топос фольклорного дискурса, наследуемый и возобновляемый в формате топонима, речевого жеста и полноценного нарратива [Березович; Ткаченко; Алпатов 2024].

Источники

- Аврелий Виктор О цезарях / Пер. с лат. В. С. Соколова // Вестник древней истории. 1963. № 4. С. 227–257.
Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Электронный ресурс]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 30.05.2025).
Былины: В 25 т. СПб.; М., 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. 776 с.
Древнерусская эпиграфика – Гиппиус А. А., Михеев С. М., Сичинава Д. В. и др. Древнерусская эпиграфика [Электронный ресурс]. URL: <http://epigrafika.ru/epigraphy/> (дата обращения: 30.05.2025).
Исторические песни. Сборник / Сост. С. Н. Азбелев. М., 2001. 526 с.
Народная проза. Сборник / Сост. С. Н. Азбелев. М., 1992. 608 с.
Русские народные песни, собранные П. Киреевским. М., 1848. Ч. 1: Русские народные стихи. 82 с.

Литература

- Алпатов С. В. Топосы в системе интертекстуальных связей фольклора и литературы Нового времени // Традиционная культура. 2015. № 3. С. 90–101.
Алпатов С. В. Реконструкция эпического компонента семантики надписи на Стерженском кресте // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы XII Международной научной конференции 11–15 сентября 2023 г., Москва, Россия. М., 2023. С. 107–108.
Алпатов С. В. Топонимический аспект проблемы взаимосвязей русского эпоса и истории // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2024. № 3 (97). С. 231–234. DOI 10.25986/IRI.2024.97.3.019
Ахметова М. В. Легенда о происхождении гидронима Текижа: фольклор, агнография, краеведение // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 175–182.
Березович Е. А. Топонимия и исторические предания: к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 3–30.
Бобрин М. А. Граффити о бобре в новгородской церкви Федора Стратилата на Ручью // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 2 (88). С. 231–234. DOI 10.25986/IRI.2022.88.2.010
Гиппиус А. А. «Зло видучи, а добра не видучи»: поэтика и грамматика древнейшего русского покаянного стиха // Russian Linguistics. 2017. Vol. 41. № 3. P. 261–282.
Гиппиус А. А. Зачем Иванко Павлович «рыл реку» в 1133 г.? // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 75–86. DOI 10.31168/2412-6446.2023.18.3–4.05
Коняевская Е. А. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М., 2000. 200 с.

⁵ Архив кабинета фольклора МГУ им. М. В. Ломоносова. 1958 г. Архангельская область, Плесецкий район, д. Шишкина.

⁶ URL: <http://epigrafika.ru/epigraphy/inscription/show/119> (дата обращения: 30.05.2025).

- Конявская Е. А. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале агиографии) // *Ruthenica*. Київ, 2004. Т. 3. С. 80–92.
- Малыкина Т. М., Кузьмина А. В. Гидронимы и ойконимы Посемья в историческом и этимологическом аспекте (на примере гидронимов Рыла, Дублянка и ойконима Рылск) // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024. № 10 (148). С. 1–8. DOI 10.60797/IRJ.2024.150.69
- Панченко В. Б. Уникальные памятники древнерусской культуры – каменные кресты Новгородской земли // *София*. 2025. № 1. С. 14–24.
- Ткаченко В. В. Время и пространство в «Древних российских стихотворениях» Кириши Данилова // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2017. № 2 (68). С. 76–88.

References

- Akhmetova, M. V. Legenda o proiskhozhdenii gidronima Tekizha: fol'klor, agiografiya, kraevedenie. In *“Kalevala” v kontekste regional'noi i mirovoi kul'tury. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 160-letiyu polnogo izdaniya “Kalevaly”*. Petrozavodsk, 2010. Pp. 175–182. (In Russ.)
- Alpatov, S. V. Toposy v sisteme intertekstual'nykh svyazei fol'klora i literatury Novogo vremeni. In *Traditsionnaya kul'tura*. 2015. No. 3. Pp. 90–101. (In Russ.)
- Alpatov, S. V. Rekonstruktsiya epicheskogo komponenta semantiki nadpisi na Sterzhenskom kreste. In *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 11–15 sentyabrya 2023 g., Moskva, Rossiya*. Moscow, 2023. Pp. 107–108. (In Russ.)
- Alpatov, S. V. Toponimicheskii aspekt problemy vzaimosvyazei russkogo eposa i istorii. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2024. No. 3 (97). Pp. 231–234. DOI 10.25986/IRI.2024.97.3.019 (In Russ.)
- Berezovich, E. L. Toponimiya i istoricheskie predaniya: k voprosu o vzaimodeistvii razlichnykh versii etnokul'turnoi informatsii. In *Onomastika i dialektnaya leksika*. Ekaterinburg, 1999. Iss. 3. Pp. 3–30. (In Russ.)
- Bobrik, M. A. Graffiti o bobre v novgorodskoi tserkvi Fedora Stratilata na Ruch'yu. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2022. No. 2 (88). Pp. 231–234. DOI 10.25986/IRI.2022.88.2.010 (In Russ.)
- Gippius, A. A. “Zlo viduchi, a dobra ne viduchi”: poetika i grammatika drevneishego russkogo pokayannogo stikha. In *Russian Linguistics*. 2017. Vol. 41. No. 3. Pp. 261–282. (In Russ.)
- Gippius, A. A. Zachem Ivanko Pavlovich “ryl reku” v 1133 g.? In *Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii*. 2023. Vol. 18. No. 3–4. Pp. 75–86. DOI 10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.05 (In Russ.)
- Konyavskaya, E. L. Avtorskoe samosoznanie drevnerusskogo knizhnika (XI – seredina XV v.). Moscow, 2000. 200 p. (In Russ.)
- Konyavskaya, E. L. Problema obshchikh mest v drevneslavyanskikh literaturakh (na materiale agiografii). In *Ruthenica*. Kiev, 2004. Vol. 3. Pp. 80–92. (In Russ.)
- Malykhina, T. M., Kuz'mina, A. V. Hidronimy i oikonimy Posem'ya v istoricheskom i etimologicheskom aspekte (na primere gidronimov Ryly, Dublyanka i oikonima Ryl'sk). In *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2024. No. 10 (148). Pp. 1–8. DOI 10.60797/IRJ.2024.150.69 (In Russ.)
- Panchenko, V. B. Unikal'nye pamyatniki drevnerusskoi kul'tury – kamennye kresty Novgorodskoi zemli. In *Sofiya*. 2025. No. 1. Pp. 14–24. (In Russ.)
- Tkachenko, V. V. Vremya i prostranstvo v “Drevnikh rossiiskikh stikhotvoreniyakh” Kirishi Danilova. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. No. 2 (68). Pp. 76–88. (In Russ.)

Sergey V. Alpatov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

MYTHOPOETIC CONTEXTS OF THE FIRST-PERSON CONSTRUCTIONS IN OLD RUSSIAN EPIGRAPHY

In the corpus of the Old Russian epigraphy, there is a significant number of inscriptions that explicate personal intentions and experiences of the writers. Some graffiti use the grammatical form of the first person. Folklore sources or situations of oral usage are reconstructed for some of them. The article focuses on the mythopoetic contexts of the inscription on the Sterzhensky cross of 1133. Comparing historical, ethnographic and linguistic data already known to science with unaccounted folklore narratives built on the motif of “damming/lowering river waters by a historical figure” allows us to assume that the author of the inscription and its audience have a common mythopoetic pattern of “a hero who controls the elements of nature”, supporting the current socio-political components of the pragmatics of graffiti.

Keywords: epigraphy, history, folklore, mythopoetics

